

Суворов Михаил Андреевич

СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ "ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ", ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу концепций социального влияния в религиозных объединениях в условиях глобализации и виртуализации мира. Автор впервые проводит сравнительный анализ процессов манипуляции в виртуальном пространстве и новых религиозных движениях и доказывает, что современные процессы распространения религии являются закономерным продолжением традиций социального влияния на религиозное сознание, принятых в традиционных обществах, что развивает теорию социального влияния и современной религиозности и дает возможность взвешенно подходить к оценке влияния на религиозное сознание.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 168-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

EVOLUTION OF SUBJECTIVITY: FROM PAN-SYNCRETISM TO ECO-RATIONALISM

Smirnov Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
sunstability@yandex.ru

The article examines the historical and philosophical aspects of the evolution of human subjectivity. Describing the latter as a category representing, among other things, an attitude of a human being to the nature, the author emphasizes that at the period of the aggravation of ecological problems human subjectivity should be aimed at the formation of ecological rationality – a form of ideology based on the conceptions of thinking and activity as factors for the preservation and conservation of the environment.

Key words and phrases: meta-rationality; pan-syncretism; pantheism; nature-consistency; subjectivity; ecological utilitarianism; eco-rationalism.

УДК 291.11

Философские науки

Статья посвящена анализу концепций социального влияния в религиозных объединениях в условиях глобализации и виртуализации мира. Автор впервые проводит сравнительный анализ процессов манипуляции в виртуальном пространстве и новых религиозных движениях и доказывает, что современные процессы распространения религии являются закономерным продолжением традиций социального влияния на религиозное сознание, принятых в традиционных обществах, что развивает теорию социального влияния и современной религиозности и дает возможность взвешенно подходить к оценке влияния на религиозное сознание.

Ключевые слова и фразы: глобализирующаяся культура; информатизация; виртуализация; информационная война; «промывание мозгов»; новые религиозные движения; социальное влияние; манипуляция; религиозное сознание.

Суворов Михаил Андреевич

Забайкальский государственный университет
mikhail.suvorov.2016@mail.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЛИЧНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ «ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ»,
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ®**

В условиях современного стремительно изменяющегося и глобализирующегося мира, когда перестраиваются все сферы общественной жизни, появляются новые направления культуры, изменяются законы социального взаимодействия и рождается новая аксиология реальности, осмысление процессов социального влияния на сознание верующих также меняет проблематику, формы и язык выражения [5, с. 116]. Начиная с 60-х гг. XX в. научный дискурс, посвященный проблемам социального влияния на религиозное сознание личности, приобрел широкий общественный резонанс, и ему стало придаваться политическое значение. Одной из причин было обострившееся противостояние между социалистическим и капиталистическим лагерями, которое сопровождалось интенсивными поисками явных и скрытых врагов, воздействующих на противника не только открытыми, но и скрытыми, мистическими методами. С этого времени был введен термин «информационная война», и вопросы ее технологии стали обсуждаться в политическом, экономическом, религиозном и научном дискурсе [2, с. 64].

Находящиеся в контексте проблематики социального влияния на сознание личности направления социальной, психологической, юридической науки старались, с одной стороны, выяснить, как осуществляется внешнее социальное воздействие на религиозную личность и к каким последствиям это ведет. С другой стороны, данным процессам необходимо было дать взвешенную оценку с учетом того значительного теоретического багажа, который был накоплен к этому времени в рамках формирования теории социального влияния на личность. Необходимо сказать, что основную трудность данного периода составило то, что многие направления и исследования стали использоваться как инструменты достижения заранее определенных целей и выполнять социальный заказ, что привело к появлению работ, где результаты социального влияния религии оценивались в зависимости от того, к какому лагерю она принадлежала. Этот процесс сопровождался научно-обоснованной критикой, указывающей на необходимость обращения к выверенным методологиям и процедурам научного поиска и отказа от конструирования текстов в рамках дихотомического разделения мира на «Своих» и «Чужих» [15, с. 11].

Одной из новых проблем, напрямую затрагивавших взаимодействие общества и носителей религиозного сознания, на которых оно пыталось оказать воздействие, оказалась проблема новых религиозных движений (НРД). Центральным моментом, которого касался дискурс о том, какое место занимает в НРД верующий, был вопрос,

является ли он «жертвой» психических манипуляций и какое место занимают НРД по отношению к обществу, являются ли они «деструктивными» религиями, стремящимися к его ликвидации. Наибольшее распространение получила версия о применении НРД особых методов психологического воздействия, так называемого «промывания мозгов» (Р. Д. Лифтон, Ф. Конвей, Дж. Сиглман, М. Сингер, Дж. Кларк) [8, с. 517]. Особую актуальность этой дискуссии придавало то, что в социуме появились антикультовые общественные организации, которые, уверовав, что последователям НРД «промывают мозги», решили, что их надо насильственно «депрограммировать».

С этим мнением и действиями не были согласны социологи и психологи, которые показали, что ни социальный контекст, создаваемый НРД, ни технологии проповеди не могли быть признаны в качестве факторов для объяснения, почему кто-то присоединится к религиозному движению, а кто-то – нет. Данные эмпирических наблюдений показывали, что люди вступают в члены НРД и выходят из них, не испытывая физического принуждения, столь же естественно, насколько берут и снимают с себя другие важные обязательства в жизни, как то: вступление в брак, смена работы, изменение веры, смена гражданства (А. Баркер, Дж. Биерманс, Дж. Ричардсон) [17, р. 87]. Ученые опровергли точку зрения, будто лидеры культов обладают гипнотической силой, способной разрушить разум и тело. По их мнению, концепция «промывания мозгов» представляет собой возвращение к теории патологии, изображающей религиозное движение прибежищем тех, кто не приемлет жесткие требования, предъявляемые обществом.

Таким образом, на Западе дискурс, посвященный социальному влиянию и манипуляции в религиозных организациях, оказался подвержен серьезной научной и философской рефлексии, и большинство религиоведов и социологов сегодня расценивают антикультовые группы как предсказуемый вызов движениям, направленным против господствующих ценностей и институтов общества. Конфликт между религиозными движениями и противостоящими группировками рассматривается ими как столкновение интересов, а не как война против безжалостных заговорщиков, которые должны быть уничтожены любой ценой [ibidem, р. 147]. Тем не менее, как показывает практика, общественные дискуссии в рамках парадигмы «информационной войны» не прекратились и продолжают оставаться одним из наиболее значительных факторов, который влияет на развитие религиозных движений и побуждает их постоянно совершенствовать свою социальную политику.

Еще одной не менее важной проблемой, повлиявшей на формирование научного дискурса по проблемам социального влияния и манипуляции религиозного личностью, оказалось открытие новых видов технологий и средств коммуникации. Существенно изменило представления о современной религиозной реальности глобализирующегося мира понятие виртуальности, введенное О. Тоффлером [13, с. 117]. Инновации, проанализированные им, впоследствии внесли значительные изменения в информационно-коммуникативную сферу, где возникли новые вызовы, такие как интенсификация влияния СМИ и Интернета, которые настолько ускорили процессы обмена информацией, что личность, адаптируясь к этому потоку, стала превращаться в новый тип информационно-зависимого человека. Электронная сверхреальность порождает свои правила, обычаи, традиции и язык [11, с. 152]. Появились сетевые виды взаимодействий и киберрелигии и общины, действующие исключительно в Интернете и использующие технологии модульной организации знаковых систем [7].

Эта проблема оказалась в центре внимания постмодернистского направления в философии, которое, полагая, что новые элементы сверхреального информационно-коммуникативного пространства появляются в результате искаженного восприятия стандартных коммуникативных знаков и категорий, начало исследования новых возможностей символа в репрезентации мира. Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Р. Барт стали понимать состояние мира как процесс умножения образов, которые, являясь «симулякрами» [1, с. 42], то есть «ложными знаками», рисуют мир только так, как это нужно информационным технологам, определяющим политику всемогущих массмедиа и электронных «социальных сетей». В свете этой теории тема социального влияния на религиозное сознание приобрела особую актуальность. Постмодернисты доказывают, что, запутавшееся в «социальных сетях» и массмедиа, массовое сознание теряет автономность и начинает воспринимать за подлинную реальность религиозные ценности, которые конструируются и используются в целях политики и экономики, а сама религия превращается в «трансрелигию». П. Тиллих [20, р. 9] ввел определение «квазирелигии», то есть удачной имитации религии, и «псевдорелигии», то есть ее неудачной имитации.

Процессы развития средств массовой коммуникации и актуализация вопроса об их использовании в целях информационной манипуляции принесли изменения в теорию «информационной войны». В связи с усиливающейся актуальностью темы, интенсификацией информационного воздействия на индивидуальное сознание в условиях виртуальной культуры, сегодня выпускается много работ, например, таких авторов как Е. П. Белинская, К. А. Гилярова, Д. В. Иванов, М. Ш. Муртазина, М. В. Петрова, М. А. Пронин, Д. Репкин, Дж. Сулер и др. [9, с. 4]. Большое место уделяется теории манипулятивного воздействия на общественное сознание [3, с. 52].

Важнейшим вопросом современного дискурса по проблемам манипуляции является человек, находящийся в рамках информационно-коммуникативного поля, особенностью которого является специфика воздействия на сознание посредством наиболее современных видов так называемых креолизованных текстов и таких модифицированных наследников «симулякра» как «мемы» и «медиавирусы». Под этими названиями в трудах Р. Докинса, Р. Броди, С. Блэкмур [18, р. 187], полагающих себя основателями новых научных дисциплин, меметики и онтопсихологии, выступают элементы сверхреального информационно-коммуникативного пространства, которые появляются в результате искаженного восприятия стандартных коммуникативных знаков и категорий. Генезис и механизмы существования «мемов» стали одной из острых тем дискурса современной науки, в котором на территории нашей страны принимают участие Е. Е. Анисимова, Н. Г. Асмус, И. В. Бугаева, И. В. Вашунина, И. В. Ксенофонтова, Ю. А. Тарасов, Ю. В. Чепель, Ю. В. Щурина, Е. А. Нежура [10, с. 47] и др. В данных работах утверждается, что с появлением новых агентов интернет-коммуникации информационное пространство стало приобретать некий контроль над реальностью, выходить из своих пределов и трансформировать ее, искажая

семиотическое поле. В силу этого попавшая в зависимость от меметической инженерии индивидуальность воспринимает и транслирует новые смыслы, которые понимаются как социальные конструкты.

Необходимо отметить, что дискурс, связанный с внедрением информационных систем в сферу религии, отличается спецификой не только в силу радикальной новационности, связанной с изменениями, происходящими в пространстве коммуникаций, но и тем, что эти открытия носят исключительно атеистический характер. Они объясняют возникновение и трансформацию религиозной веры в контексте теории информационной войны и манипуляции с обсуждением использования генетических и эстетических механизмов воздействия. Нет ничего удивительного, что чаще всего ответом со стороны многих устоявшихся философских, социальных и, в частности, религиозных направлений, выступает критика меметики как «псевдонауки» [19, р. 667].

Вместе с этим, на наш взгляд, вопросы, которые поднимаются основателями меметики и которые касаются особенностей конструирования, распространения и функционирования образов религиозных феноменов, влияющих на сознание, отнюдь не псевдонаучны и совсем не новы. Речь идет о социальном влиянии на религиозное сознание, которое представляет собой сложный процесс, формирующийся в течение всего общественного развития и подверженный влиянию многих общественных институтов: семьи, этноса, политики, экономики, искусства и т.д. Он изучается долгое время такими науками как антропология, социология, психология, религиоведение и рядом смежных дисциплин. Поэтому к его исследованию должен быть применен комплексный, обусловленный современным уровнем развития науки подход.

Комплексный взгляд на проблемы социального влияния в религии позволяет утверждать, что уже первоначальные и направляющие определения о сущности социального влияния на религиозное сознание (Ф. Шлейермахер, М. Мюллер) оставляли возможности для самого разнообразного толкования его природы, и поэтому ответ меметики, имеющий проблемы с верификацией, может быть так же интересен, как и ответы иных концепций, дающих неверифицируемые ответы в отношении происхождения и природы религии. На данный момент очевидным представляется то, что положение меметики, касающиеся генетической предрасположенности человека как биологического существа к автоматизированному восприятию и затем воспроизводству информации, закодированной в «меме», затрагивают не весь спектр проблем, связанных с происхождением и воспроизводством религии, и поэтому не могут быть основанием для атеизма. С другой стороны, появление концепции «мемов» поставило важную проблему проведения сравнения и анализа стратегий, алгоритмов и техник социального влияния и манипуляции, используемых в различных религиозных традициях с целью выявления общих моментов и специфики исторического и современного, а также информационного и эмоционального, социального влияния на сознание верующих.

Актуальность данному исследованию придает ситуация, которая сопровождает развитие российского религиоведения, так как современные трактовки религиозной реальности в нашей стране не только изменяют представления о социальном влиянии на сознание верующих, но и служат основанием для изменения социального отношения к религии. Крушение монолитных идеологий, происходившее несколько раз в течение XX в., дало толчок доктрине о «конце идеологии», однако по мере реализации стратегии развенчания старых догм четко обозначилась тенденция массового сознания XXI в. к обретению новых форм социальной идеологии. Распространенным стало обращение к образам российского прошлого, описываемого как социальный идеал, в котором культурогенную функцию выполняло православие. Современное социальное влияние на формирующееся религиозное сознание требует утверждения и закрепления такой картины мира, в которой религии разделяются на «традиционные» и противостоящие им «нетрадиционные» [4, с. 5].

В медиа- и интернет-пространстве эта позиция активно представлена, так как участвует в операциях «информационной войны» и всеми доступными способами пытается оказать влияние на сознание верующих. У таких авторов как А. В. Кураев и О. В. Стеняев «традиционные» религиозные объединения считаются «Своими», то есть культурообразующими и воспитывающими, в противоположность «нетрадиционным», признаваемыми «Чужими», разрушительными и манипулирующими [6, с. 239]. Основными проблемами, представленными в работах А. Л. Дворкина и А. В. Щипкова, оказываются описания деструктивных последствий религиозного влияния и анализ стратегий, алгоритмов и механизмов манипуляции, используемой объединениями, которые признаются не соответствующими культурным и духовным традициям, существующим в России [16, с. 5]. Таким образом, в современной России на волне противостояния влиянию прозападной, глобализирующейся культуры ярко представлены произведения, построенные по принципу «Свои» – «Чужие», часть из которых имитирует антикультуристский дискурс, отзвучавший на Западе еще в 80-е гг. XX в.

Со стороны научного религиоведения и социальной философии эта тенденция оказалась осмыслена К. А. Богдановым, П. В. Чельшевым, В. С. Полосиным [12, с. 94], работы которых показывают, что социальное влияние на сознание верующих в истории является универсальным процессом, вместе с этим на каждом историческом этапе и в каждом регионе он имел и имеет свои неповторимые формы, которые, сменяя друг друга, отнюдь не способствуют отмене религии или замене ее на полностью подверженный манипуляции конструкт. Вместе с этим проблематика интенсифицирующегося социального влияния на сознание верующих в современных условиях глобализации, модернизации и виртуализации культуры, обосновываемая этими работами, так и не получила своего воплощения в исследованиях, которые были бы нацелены не на разоблачение, а на достижение конструктивного результата.

Таким образом, можно выделить противоречия между:

- объективной потребностью современного общества в обеспечении социализации молодого поколения на основе формирования личности с социально приемлемой религиозной идентичностью и нарастанием негативных явлений межконфессиональной и межэтнической напряженности, ксенофобии, этнофобии и т.д. в массовом сознании;

- фрагментарностью и ангажированностью существующих в обществе представлений о процессе социального влияния на религиозную личность в условиях модернизации и глобализации, в частности, существованием разнонаправленных попыток объяснения сущности социального влияния, с одной стороны, только посредством социального научения, с другой – только с использованием социального внушения и манипуляции;
- необходимостью определения принципов, целей, содержания, технологий и алгоритмов социального влияния на религиозную личность с учетом современных достижений науки и сложившейся практикой информативной формы передачи религиозных знаний и знаний о религии.

В итоге, на основании проведенного анализа, необходимо заключить:

1. Данные проведенного анализа показали, что в современном научном дискурсе, посвященном проблемам социального влияния на формирование религиозной личности, возникли существенные методологические проблемы. Они оказались связаны с тем, что в современных условиях глобализирующейся и виртуализирующейся культуры обсуждение, посвященное практикам использования современных техник манипуляции религиозным сознанием, приобрело форму ангажированности и обсуждения дихотомии «Свой» – «Чужой». При этом практическую значимость в современном мире имеют исследования, которые делают акцент на доказательстве того, что в одних религиозных движениях социальное влияние начинается с познания, а в других эти процессы проходят исключительно в контексте практик использования глубинных свойств психики.

2. Мы полагаем, что исследование современных форм социального влияния на религиозное сознание необходимо проводить, обращаясь к методологии междисциплинарности и дополнительности. В сфере исследований процессов социального влияния на религиозное сознание обращение к современным разработкам философской компаративистики способно обеспечить раскрытие многообразия религиозного пространства религиозных коммуникаций, при котором будет уделяться внимание специфике региональных религиозных феноменов и вместе с тем попыткам найти их универсальную составляющую. В этом контексте современные процессы распространения религии с использованием средств и методов, предлагаемых в мировом медиа- и интернет-пространстве, должны показать, что религия как тип мировоззрения, не изменяя своей сути, продолжает развиваться с использованием современных алгоритмов и технологий. Этот процесс является закономерным продолжением традиций комплексного социального влияния на религиозное сознание, принятым в традиционных обществах, и сегодня он развивает и обогащает устоявшую традицию новыми формами конструирования и воспроизводства религии в условиях виртуальной реальности. Применение данного подхода в процессе исследований современных техник социального влияния на религиозную личность способствует развитию теории культуры, теории социального влияния, религиоведческих концепций современной религиозности. Это даст возможность более взвешенно подходить к оценке вопросов социального влияния в практике современных религиозных движений.

Список литературы

1. **Бодрийяр Ж., Ясперс К.** Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
2. **Воронцова А. В., Фролов Д. Б.** История и современность информационного противоборства. М.: Горячая линия, 2006. 192 с.
3. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003. 304 с.
4. **Красников А. Н.** Методология западного религиоведения второй половины XIX – XX века: дисс. ... д. филос. н. М., 2007. 328 с.
5. **Кузьмина Е. В.** Секулярный постсекуляризм как характерная черта современного общества // Исторические, философские, политический и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44). Ч. 2. С. 116-119.
6. **Кураев А. В.** Христианин в языческом мире, или О наплевательском отношении к порче. М.: Эксмо-Яуза, 2004. 288 с.
7. **Левушкан П.** Киберрелигия: католики, протестанты и другие [Электронный ресурс]. URL: <http://crystallcity.com/content.php?127> (дата обращения: 16.01.2015).
8. **Лифтон Р.** Технология «промывки мозгов»: психология тоталитаризма. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. 576 с.
9. **Муртазина М. Ш.** Виртуальная культура как феномен глобализации: философско-культурологическое осмысление: автореф. дисс. ... к. филос. н.: 09.00.13. Чита, 2012. 22 с.
10. **Нежура Е. А.** Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве Интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 47-52.
11. **Николаева Е. М.** Медиасреда как социально-культурное пространство современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. 2. С. 152-154.
12. **Полосин В. С.** Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
13. **Тоффлер О.** Третья волна. М.: АСТ, 2002. 433 с.
14. **Фомина М. Н., Гостюхин А. С.** Политическая система российского общества: взаимоотношение Русской Православной Церкви и государства на современном этапе. Чита: ЧитГУ, 2007. 152 с.
15. **Цыганов В. В.** Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М.: Академический проект, 2007. 336 с.
16. **Щипков А. В.** Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России: курс лекций. СПб.: РХГИ, 1998. 297 с.
17. **Barker E.** The Making of a Moonie. N. Y.: Blackwell Publishers, 1984. 305 p.
18. **Brodie R.** Virus of the Mind: The New Science of the Meme. Seattle, 2009. 264 p.
19. **Polichak J. W.** Memes as Pseudoscience // Shermer M. Skeptic Encyclopedia of Pseudoscience. Fitzroy Dearborn Publishers, 2000. 903 p.
20. **Tillich P. J.** Christianity and the Encounter of the World Religions. N. Y.: Columbia University Press, 1963.

SOCIAL INFLUENCE ON RELIGIOUS PERSONALITY IN CONDITIONS OF "INFORMATION WAR", GLOBALIZATION AND VIRTUALIZATION OF CULTURE SPACE

Suvorov Mikhail Andreevich
Transbaikal State University
mikhail.suvorov.2016@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the conceptions of social influence in religious associations in the conditions of the globalization and virtualization of the world. The author for the first time conducts a comparative analysis of the processes of manipulation in virtual space and new religious movements and proves that the modern processes of the propagation of religion are the natural continuation of the traditions of social influence on religious consciousness accepted in traditional societies that develops the theory of social influence and contemporary religiosity and enables a balanced approach to the evaluation of influence on religious consciousness.

Key words and phrases: globalizing culture; informatization; virtualization; information war; "brainwashing"; new religious movements; social impact; manipulation; religious consciousness.

УДК 7; 18; 7.03

Искусствоведение

Статья раскрывает особенности интерпретации западноевропейского искусства в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина с точки зрения таких аспектов как выбор, предпочтение, оценка и терминология. Проводится сравнение интерпретации путешественника-писателя, то есть любителя в области искусства, с интерпретацией путешественников-художников, оценивающих искусство с профессиональных позиций. Сделан вывод о том, что интерпретация искусства «русским путешественником» сводится к описаниям произведений искусства как памятников исторических событий.

Ключевые слова и фразы: искусство; русский путешественник; интерпретация; выбор; образ; оценка; впечатление.

Терешкина Оксана Леонидовна

Московский педагогический государственный университет
tol241074@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА[©]

На рубеже XVIII-XIX вв. внимание образованных людей России привлекли «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Наряду с дневниками путешественников и путевыми журналами, они стали еще одним источником для заочного знакомства наших соотечественников с европейским искусством и культурой.

«Письма русского путешественника» исследовались в разных аспектах. В. В. Сиповский доказал, что это не собрание реальных писем, а литературное произведение [8]. Он установил, что Карамзин часто заимствовал целые куски с описаниями произведений искусства из европейских справочников и путеводителей [10; 11; 12]. Далее, Ю. М. Лотман произвел реконструкцию путешествия Карамзина, из которой следует, что путешествие в «Письмах» сильно отличается от действительного путешествия писателя [4]. Особенности восприятия западноевропейского искусства Карамзиным в «Письмах» изучили И. Марисина [5] и О. С. Евангулова [1].

Наша задача – рассмотреть «Письма русского путешественника» Карамзина с точки зрения интерпретации им западноевропейского искусства. Общие подходы при применении интерпретации как методологии исследования художественной культуры изложены С. А. Песоцкой [6]. Мы будем анализировать интерпретацию, исходя из таких аспектов, как выбор, предпочтение и оценка.

Приведенные выше исследования показали, что перед нами не реальная переписка Карамзина с друзьями, а ее имитация, поэтому «Письма русского путешественника» нельзя использовать как документальный источник. В связи с этим интерпретировать впечатления автора о европейском искусстве можно, только исходя из того, что перед нами художественное произведение. Отрывки из произведений разных авторов, стилистически по-разному окрашенные и перемешанные с личными впечатлениями Карамзина, составили мозаику описаний «Писем русского путешественника». Широкое заимствование литературного материала в тексте «Писем» с точки зрения современных Карамзину понятий не являлось плагиатом, а, наоборот, увеличивало достоинства произведения и говорило об образованности автора. Это означает, что один из аспектов интерпретации – оценку Карамзиным европейского искусства – можно разбирать только на примере отрывков, несущих в себе личные впечатления автора. Другой аспект – аспект предпочтения – говорит о вкусах Карамзина и о его отношении к общепринятому в России мнению об искусстве. С одной стороны, личные вкусы автора раскрывают особенности его личности, а с другой стороны, являются составляющей многогранной мозаики национального художественного вкуса.